

≈ 21 мин

Пытаясь загнать человека в узкие рамки, гарантирующие неизменность сложившихся порядков, нынешние общественные отношения стремятся всесторонне и комплексно подавить саму сущность отдельного индивида. Противоречия между последней и этими стремлениями вызывают к жизни указанные выше кризисные явления. Чтобы понять, как это происходит, сперва нужно разобраться с тем, что вообще собой представляет человеческая сущность.

Природа не даёт всего необходимого для социального образа жизни человека: он вынужден создавать это сам. Творя условия своего существования, человек присваивает силы природы. И чем более сложные силы он учится контролировать, тем более развитыми становятся его собственные силы, и тем выше уровень развития общества. Меняя мир, человек меняется сам и таким образом развивается. Исторический процесс в этом смысле есть процесс порождения человеком самого себя через преобразование природы. Это главное качественное отличие человека от живой и неживой природы. Его понимание позволяет нам выделить основные стороны человеческой сущности, то есть важнейшие родовые характеристики, общие всякому человеческому индивиду, за которые в философии закрепилось название «сущностных сил человека». Мы условно выделим два уровня сущностных сил человека: 1) актуальный и 2) потенциальный.

Актуальный уровень включает в себя главные сущностные силы человека, как то: труд, мышление и общение. Это деление — не пустая спекуляция, оно закономерно вытекает из материалистического понимания человека.

Человек, как мы отметили, сам производит своё бытие. Поэтому главными сторонами человеческой сущности будут те, которые обслуживают такой способ существования, как способность к труду, преобразующий природу и вместе с тем самого человека. Труд требует знания объективных закономерностей мира, следовательно, мышления. Также, уже довольно простой труд оказывается фактически невозможным для одиночного индивида: очень скоро он начинает требовать разделения обязанностей, следовательно, общения. Потенциальный уровень сущностных сил включает в себя способности и потребности.

Материальный труд — основной способ и средство существования человека. Выступая непосредственно как процесс преобразования природы, труд, в то же время, есть преобразование и реализация самого человека. По мере перехода ко всё более сложным предметам и продуктам труда усложняется как сам труд, так и, конечно, его субъект. Изменяя природу, человек меняет и самого себя. Труд создал человека исторически, и продолжает порождать человека из окружающих условий: только преобразуя бесконечное качественное многообразие мира, человек становится собой, только так он может развиваться. Труд переплавляет это многообразие в универсальную человеческую сущность.

Сам труд тоже развивается. Исторически процесс его развития шёл параллельно с усилением разделения труда. Своего апофеоза разделение труда достигло в капиталистическом обществе. Маркс в «Капитале» приводит пример с производством швейной иголки, которая проходит через почти 80 пар рук рабочих, роль каждого из которых сводится лишь к одному и очень специфическому действию. Именно эти процессы позволили Марксу говорить об

абстрактном труде, измеряемом общественно необходимым временем, а не зависящим от способностей и мастерства работника. Действие, требуемое от каждого рабочего, стало настолько элементарным, что качественные различия труда практически стёрлись.

Это подводит нас к существенному противоречию, свойственному капиталистическому обществу: пока общество в целом становится сложнее, отдельный индивид в сравнении с ним упрощается. Человечество покорило энергию атома и вышло в открытый космос — обыватель научился посылать эсэмэски. Занятые в условиях капитализма предельно узким, бедным по содержанию трудом, индивиды производят себя и свою сущность в таком же узком и бедном содержанием виде (и, как мы увидим, относительная доступность образования не меняет сути дела). Потенциально это ведёт к ещё большему противоречию. Примитивные индивиды не видят альтернативы примитивной общественной жизни. Таким образом, массовая примитивизация преграждает путь дальнейшему общественному прогрессу. Наоборот, она с необходимостью несёт с собой примитивизацию форм общественного сознания. Отсюда все те негативные тенденции в массовой культуре, образовании и науке.

Культура призвана удовлетворить духовные потребности. Но потребности, духовные и материальные, неразрывно связаны со способностями. Находясь в тесной взаимной связи, они не могут существовать друг без друга, определяют и предполагают друг друга. И в тесной связи же развиваются: когда возрастает одно, вслед за ним возрастает и другое. Бесконечная гонка способностей и потребностей обеспечивает прогресс человечества. Ведущая роль при этом

отводится способностям, ибо нет нужды в том, что ещё не может быть создано, хотя бы даже и в голове. То, что индивид желает, таким образом, определяется наличными способностями, а потому, в человеке нужно, прежде всего, культивировать способности. Капиталистическое общество, как мы можем видеть, навязывая бедный содержанием, не требовательный к способностям труд, ограничивает потенциал развития способностей индивида. Для огромного большинства отсутствует потребность в развитии способностей. «Общество потребления» навязывает бесчисленные потребности, но они не ведут к росту способностей; мириады товаров и услуг лишь обслуживают в разных вариациях устоявшийся, примитивный уровень потребностей, который есть не что иное, как следствие примитивизации человеческого труда.

В капиталистическом обществе рабочий, говоря словами Маркса, в труде *«не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, но несчастным, не развивается духовно и физически, а изнуряет себя. Поэтому только вне труда рабочий чувствует себя самим собой... Труд его не добровольный, а вынужденный, принудительный. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство удовлетворения других потребностей. <...> Как только прекращается принуждение, от труда бегут»*. Так Маркс характеризует отчуждение труда. И эта характеристика актуальна до сих пор, несмотря на некоторые перемены в формальной стороне дела, по крайней мере, в развитых странах, где условия труда претерпели заметные внешние изменения. Вслед за процессами глобализации отупляющая конвейерная сборка и изнуряющий физический труд отправилась туда, где в избытке дешёвая рабочая сила — в страны третьего мира. Эти процессы послужили для некоторых исследователей доказательством перехода к «постиндустриальному обществу»; внешне это

выглядело как снижение числа работников сектора материального производства. Однако же освободившиеся рабочие руки и головы отнюдь не отправились заниматься научным трудом, связанным с производством знаний или обработкой информации, как предполагали футурологи-постиндустриалисты, но в большинстве оказались заняты в сфере услуг, ценность многих из которых как минимум сомнительна. Это настолько бросается в глаза, что постиндустриалист Кастельс, хотя и в другой связи, высказывается о вставшей ненужности трети и более человеческих ресурсов. Но если даже и так, это, казалось бы, должно было хотя бы поспособствовать личностному развитию населения богатых стран, где работа теперь отличалась большим разнообразием по сравнению с выматывающим духовно и физически конвейерным производством и, следовательно, должно было способствовать более широкому развитию индивидов. В реальности всё вышло с точностью до наоборот.

Огромное число работников в развитых капиталистических государствах, занятых в основном в сфере услуг, сегодня можно назвать в лучшем случае квазиработниками. Не занятые ни в реальном производстве, ни в научной или культурной деятельности, менеджеры, посредники и спекулянты, формально обладая чертами наёмных работников, ничего не создают и живут за счёт перераспределения отчуждаемого капиталистами труда. Занятые бессодержательной деятельностью, они лишь в самой примитивной форме производят себя как личности. Там, где деятельность не требует сколько-нибудь глубокой мысли, где не требуется даже адекватного понимания действительности, сама мысль оскудевает. Вместе с тем падают и интеллектуальные способности: когда нет нужды думать, само мышление —

одна из сущностных сторон человека — стагнирует, не развивается, деградирует.

Эти процессы находят отражение в системе образования. Знания, не востребованные практикой, не закрепляются в сознании. На деле это выражается, например, в том, что процент остаточных знаний у студентов спустя год после экзамена редко превышает пять — десять процентов. В развитых странах, где сфера услуг преобладает над реальным производством, образование подменяется квазиобразованием. Оно отрывается от жизни, а его практическая польза откровенно ставится под сомнение не только учащимися, но даже некоторыми преподавателями. Снижается даже банальный уровень грамотности.

«Примерно от 60 до 80 млн американцев являются неграмотными или полуграмотными, от 23 до 30 млн полностью неграмотны, т. е. фактически не могут читать и писать. Немного лучше ситуация и в других странах центра. В Канаде функционально неграмотно 20 % населения. В Англии функционально неграмотны 25 % выпускников школ»¹.

Знания концентрируются там, где они востребованы; техническое образование вслед за реальным производством перебирается в страны третьего мира. Это естественным образом отражается и в отношении к науке. Видный сторонник концепций постиндустриального общества Э. Тоффлер в своей последней работе говорит о «партизанской войне против науки», направленной на «обесценивание самой науки». Перечисляя многочисленные группы настроенных враждебно по отношению к научному прогрессу людей, Тоффлер

указывает на всё более многочисленные попытки «девальвировать доверие к науке, как способу верификации истины». И если мы взглянем, в каких странах эти попытки наиболее активны, то увидим здесь дикие полуфеодальные страны и... развитые страны, где превалирует сектор услуг, но не развивающиеся страны, где сконцентрировано реальное производство.

Машина, — продукт научного прогресса, — в известной степени облегчив труд человека, превратила последнего в свой придаток, вынужденный подстраиваться под её ритм и расписание. Человек был низведён до ещё одного элемента заводской сборки. Кроме того, известные угрозы окружающей среде, которые несёт с собой прогресс, чудовищная разрушительная мощь «умного» оружия, перспективы «научного» манипулирования человеком — ни один из этих моментов не подконтролен обывателю. Это рождает страх и растерянность. И рядом с эйфорией по поводу технических достижений обнаруживаются враждебное отношение к прогрессу, к разуму вообще, тяга к иррационализму и мистике.

Страхи перед наукой и прогрессом суть следствия распространения противоречий научно-технической революции в буржуазном обществе на человечество и человеческую историю вообще. Массы людей отчуждены от плодов прогресса, и повсеместное распространение смартфонов и прочих гаджетов отнюдь не является показателем противоположного. Обладание техникой и технологией ещё не означает её понимания. Технические приспособления, ставшие настолько привычными, что многие уже не могут представить себе жизни без них, остаются своего рода магическими шкатулками, выполняющими определённые функции, притом никто не знает,

как они это делают. В результате, потрясающая воображение современная техника, способная в умелых руках перевернуть мир, служит в руках массового обывателя в лучшем случае для развлечения. Сложная же технология, превосходящая понимание обывателя, вызывает отторжение и страх.

«На угрозу холодного как лёд и механизированного мира... западный человек инстинктивно отвечает взрывом иррационального».

Необычайный интерес к иррациональному наглядно подтверждается статистикой и в России. Согласно последним опросам Левада-центра, 52 % россиян верят в предсказания и в предсказателей, 43 % — в вещие сны, 38 % — в астрологические прогнозы, 26 % — что Землю периодически посещают пришельцы². И вот уже очередной видный буржуазный футуролог Дэниел Белл, ещё недавно предвещавший торжество «технотронной цивилизации», меланхолически констатирует *«коренные изменения культуры с существенным антирациональным и антиинтеллектуальным уклоном в искусстве, а также в характере житейского опыта и восприятия явлений».*

Вопреки прогнозам постиндустриалистов, наука покидает массовое сознание, притом, что уровень научного развития человечества как целого высок, как никогда прежде. Ещё одно противоречие капитализма.

Изменения в формах труда, столь драматично сказавшиеся на мышлении, не могли не отразиться и на общении, как зависящей от труда сущностной силе человека. В капиталистическом способе хозяйствования изначально заложен колоссальный потенциал для объединения людей. Капитал концентрирует производство в городах, на отдельных заводах, где огромные массы индивидов

взаимодействуют в совместной трудовой деятельности. Это должно было дать мощный толчок развитию общения, следовательно, сближению людей, вести к осознанию общих интересов. Так, в общем-то, и произошло, но капитализм, разумеется, оставил на этой позитивной тенденции свой глубокий отпечаток. Развитие капиталистического общества с неизбежностью ведёт к разрыву между людьми почти всех связей, кроме экономических, рыночных, и к коммерциализации тех внеэкономических связей, которые в принципе не могут исчезнуть, например, отношений между полами. К моменту, когда капитализм достиг монополистической фазы, массы действительно организовались, сплотились, связанные общим интересом, о чём свидетельствует колоссальная мощь рабочего движения того времени — мощь, с которой всякому правительству приходилось считаться. Скрепляющим фактором этого единства были общая трудовая деятельность и общий экономический интерес. Последний постепенно перестал играть роль под влиянием относительного роста уровня жизни населения «государства всеобщего благосостояния». Первая чрезвычайно измельчала из-за изменений в формах трудовой деятельности: сфера услуг не требует коллективного труда огромных масс. Когда исчезли эти факторы, вслед за ними исчезло массовое рабочее движение. Но не только это. Люди в принципе оказались отчуждёнными друг от друга: общество постепенно стало атомизироваться, социальные связи — сводиться к чисто экономическим и буквально ограничиваться только «голым чистоганом». Не случаен исключительный интерес к проблеме одиночества многих заметных направлений философской мысли — экзистенциализма, неофрейдизма, франкфуртской школы и пр.

Индивидуализм, кризис общения как сущностной стороны человека (при

известном участии кризиса мышления) разрушает человека как социальное существо, обесчеловечивает его. В частности, естественным образом приводит к разрушению морали как явления общественной жизни. На ранних этапах развития капитализма аморализация затрагивала только высшие слои населения, совпадающие, как правило, с господствующим классом. Красочные описания падения нравов высокого общества можно найти в художественной литературе того времени, например, у Бальзака. С другой стороны, в среде рабочего класса относительная ценность морали ещё долгое время продолжала сохраняться. Что опять же вытекает из тесного взаимодействия в коллективной трудовой деятельности. Чтобы выполнять сложный, требующий совместных усилий труд, чтобы защищать свои интересы, рабочие должны были объединяться, а всякого рода объединения невозможны при отсутствии некоторых норм поведения. И поскольку буржуазное законодательство не было озабочено их нормативным регулированием, эта функция оставалась за моралью. Однако рядом с процессами, которыми обычно характеризуют наступление постиндустриальной эпохи, в развитых странах происходили заметные изменения в экономическом положении рабочего класса. Когда значительная часть рабочих получила возможность повысить свой жизненный уровень и стать членами общества массового потребления, дорога для процессов атомизации и аморализации открылась и в их среде.

Конкретное выражение это находит в росте преступности и насилия в относительно благополучных странах. За последнее десятилетие XX века *«по данным официальной статистики, которые социологи рассматривают как сильно заниженные»*, число преступлений в некоторых странах Западной Европы *«возросло на 40 %, а в других — даже на 70 %. Если в 1993 г. во Франции*

произошло 4 тысячи нападений злоумышленников на людей, то в 1997 г. — уже более 16 тысяч. Прирост на 400 %! По мнению 82 % европейцев криминогенная обстановка достигла небывалых за всю историю этого региона масштабов. По данным ООН за последние 30 лет число преступлений в США выросло в восемь раз, в Великобритании и Швеции — в семь, во Франции — в шесть»³. Если рост числа экономических, то есть совершённых в силу материальной нужды, преступлений можно в известной степени списать на ухудшение материального положения населения развитых стран в связи с постепенным свёртыванием политики «государства всеобщего благосостояния», то видимый невооружённым глазом рост агрессии и насилия нельзя объяснить не чем иным, как разрушением социальной (в узком смысле) стороны человека. Начиная с мелочей вроде, ставших уже привычными, лишённых всякого позитивного содержания и имеющих целью лишь задеть и оскорбить кого бы то ни было, комментариев в интернете, продолжая бессмысленным вандализмом, и заканчивая массовыми расстрелами коллег и одноклассников — всё это явные проявления утраты человеком своей социальной (в узком смысле) части, то есть, общения как сущностной силы.

Отчуждение людей друг от друга и следующая отсюда невозможность осознать свою коллективную силу заставляет людей вместо совместной борьбы бежать от реальности.

«Чтобы спрятаться от всего этого ужаса или хотя бы забыть о нём, люди обращаются к телевизору, где реалити-шоу показывают поддельную реальность. ... Играющие в компьютерные игры люди платят тысячи реальных долларов за виртуальные мечи, которыми их виртуальные

личности завоёвывают виртуальные замки или виртуальных женщин. Ирреальность усиливается».

Если мы взглянем на статистику потребления наркотиков, то увидим тому подтверждение. В США, самой передовой стране, где ярче всего выражены тенденции современного этапа развития общества, где живут 4-5 % от общей численности населения земли, потребляют 50 % производимого в мире кокаина⁴. Уровень потребления алкоголя, также, по данным ВОЗ, выше всего в богатой Европе.

Подведём итоги. Капиталистический способ производства доводит разделение труда до предела, сводя его к самым элементарным действиям, к самой примитивной форме. Между тем, человек создает себя как человека только в процессе труда. Примитивный односторонний труд порождает соответствующих индивидов, и хотя отупляющий конвейерный труд по большей части сконцентрировался в странах третьего мира, ситуация в развитых странах не изменилась к лучшему. Освободившиеся из сферы реального производства работники оказались занятыми в сфере услуг, часто бессмысленных. Труд их по содержанию стал ещё более примитивным. Многие люди оказались не занятыми ни в реальном производстве, ни даже в элементарной умственной деятельности. Занятые бессмысленной, бессодержательной деятельностью, они лишь в примитивной форме реализуют себя как личности. Не испытывая потребности в сколько-нибудь глубоком мышлении, массы обеднели интеллектуально: когда нет нужды думать, само мышление стагнирует.

Явившиеся следствием изменения форм труда индивидуализации разрушает

сферу общения. Конформистски настроенные массы бегут от неприглядной действительности в фантастические миры алкоголя, наркотиков, виртуальной реальности, мистики и религии.

Бесконечная гонка способностей и потребностей, обеспечивавшая прогресс человечества, зашла в тупик. Капиталистическое общество, навязывая бедный содержанием, не требовательный к способностям труд, ограничивает потенциал развития способностей индивида. «Общество потребления» искусственно навязывает бесчисленные потребности, но они не ведут к росту способностей; мириады товаров и услуг лишь обслуживают в разных вариациях устоявшийся, примитивный уровень потребностей современного человека.

Таким образом, все основные стороны человеческой сущности — труд, мышление, общение, способности и потребности — оказываются под ударом. Человек отчуждается от самого себя и от других людей, деградирует, обезчеловечивается. И всё это есть следствие противоречия человеческих сущностных сил и господствующей формы социально-экономических отношений. Последние пытаются ограничить первые, подавляя и угнетая человека в самой его сущности, атакуя все его сущностные силы. Все процессы деградации, обезчеловечивания, морального, культурного и духовного упадка, охватившие человечество, суть проявления этих процессов.

Но существующий порядок вещей с железной необходимостью рождает в своих недрах механизмы преодоления данных противоречий. Плохая новость для существующего порядка и его апологетов в том, что преодоление этих противоречий означает, вместе с тем, и преодоление его самого. В этом,

очевидно, заключается способ выхода из сложившейся ситуации утратой человеком своей сущности.

Необходимость этого очевидна; и она в интересах подавляющего большинства, не сознающего, к сожалению, что оно само и производит этот господствующий порядок. Однако несмотря на столь очевидную необходимость, вероятность каких-то значительных изменений в непосредственном ближайшем будущем сомнительна: сегодня в мире нет организованной и авторитетной силы, способной повести за собой инертные массы. Впрочем, человечество уже переживало тёмные века. Прогресс всегда абсолютен, а застой относителен. Рано или поздно человек найдёт выход из сложившегося тупика, что ознаменует собой начало совершенно новой эпохи невиданного прогресса и процветания, которую Маркс считал началом истинной истории человечества.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Семёнов Ю. И. [Философия истории, Деградация науки.](#) ↵
2. Савельев О. [Россияне стали меньше верить в потустороннее](#) ↵

3. Семёнов Ю. И. [Философия истории, Современный ортокапитализм.](#) ←

4. Там же. ←